

Июньские ночи очень коротки, и они не успевают выстудить прогретую жарким солнцем природу, особенно воду в речках и озёрах: что на вечернем закате, что на утреннем восходе она тёплая, как парное молоко. Залезешь в такую воду искупаться и вылезать не хочется.

В предвкушении предстоящей встречи с тихоструйной и тёплой Кондомой мы катим по просёлочной дороге далеко не идеального состояния: трясёт – жуть. Кручу педали и кошусь на братишку, сцепившегося побелевшими пальцами в изгибы велосипедного руля. Голова его от тряски мотается вверх-вниз, зубы клацают, и мне его жалко – достаётся пацанёнку, но... терпит. Позови завтра на рыбалку, не моргнув глазом, вновь вскарабкается на раму велосипеда впереди меня.

Рассвело окончательно.

Тёмная синева неба уступила место светлой голубизне, подзолоченной на востоке лучами солнца, брызнувшего из-за горизонта. Остатки ночной темноты уползли в придорожные черёмуховые заросли и в ивиак, густо разросшийся вокруг Кругленького озера, Тогула, Малинового и по заболоченным низинам, которые являлись своеобразным продолжением озёр. Во время весенних половодий вешняя вода широко разливалась по этим низинам среди кустов и кочкарника и стояла до середины лета, зарастая осокой и другой болотной травой.

Эти низины, соседствующие с озёрами, были излюбленным местом гнездования утиной братии, бекасов, вальдшнепов и диких курочек, пока не построили на противоположном берегу Кондомы обогатительную фабрику, выбросы которой в атмосферу до того загадили всю окрестность, что сегодня здесь не стали гнездиться не только утки, но даже и сороки.

Наш велосипед петляет по тропке, набитой пешеходами на обочине дороги. Колёса сбивают обильную росу с окружающей травы и веток низкорослых кустов. Она разлетается искрящимися осколками стекла, оседает на землю и на мои штанины, отчего они быстро намокают, липнут к икрам и холодят их.

Миновали Тогул, в котором в период цветения шиповника и интенсивного клёва карася мы, пацанва нашей Тюленинской улицы, закидывая удочки в оконца между глянцевого листьев кувшинок, таскали на хлеб карасишек-пятячков.

Вскоре перебрались через заболоченную протоку, соединяющуюся с Малиновым озером. Мостками для пешеходов служили жерди, которые пружинили под ногами и тонули в болотной жиже при каждом шаге.

От перехода до Кондомы ходу не больше километра, а на велосипеде – всего минут пять езды.

Подъезжаем к обрывистому берегу и, прыгнув с велосипеда, какое-то мгновение завороченно с трёхметровой высоты смотрим на речную гладь, подёрнутую белёсой дымкой лёгкого испарения. Течения почти не видно, но водное зеркало не идеально чисто: то тут, то там раздаются лёгкие всплески, и по воде разбегаются небольшие круги, будто кто бросает маленькие камешки, или падают с неба крупные и редкие капли дождя.

– Смотри, как жирует и плавится рыба, – срывающимся шёпотом сиплю я, чувствуя, как мгновенно пересыхает во рту, и начинают дрожать руки.

Только, раскрыв рот и широко распахнув глаза, крутит головёнкой, реагируя на каждый всплеск и разбегающиеся круги, начинает дергать меня за рукав рубашки.

– Вов, Вов, давай спускаться побыстрее, а то вся рыба разбежится...

– Не разбежится. Наша от нас не уйдет, – стараясь быть хладнокровным, отвечаю я, хотя и сам готов сигануть с обрыва, чтобы тут же забросить рыболовную снасть в самую гущу жирующей стайки чебачков.

Мы с братишкой какое-то время идём по берегу вниз по течению до пологого спуска к косе, которая наискосок вклинивается в неспешный речной поток. Между косой и берегом – зеркало заливы, который не очень глубок, излюбленное место рыбьей мелюзги, где она греется в тёплой, как щёлок, воде, кормится мошкой и растёт. Заскакивает, правда, в заливык рыбёшка и покрупнее – щурята, окушки. Погоняют мелюзгу, порезвятся – и ходу дальше, на простор «речной волнь»...

Особого интереса не вызывает заливык и у нас. Мы с Толиком спешим в конец косы, который ближе к середине реки, и где, как нам кажется, жирует самый крупняк, о чём красноречиво свидетельствуют частые всплески и разбегающиеся круги на воде.

Лихорадочно разматываем лески, наживляем крючки и, поплевав на извивающихся червяков, закидываем как можно дальше от берега. И замираем в напряжённых позах.

Сердце жалось, не трепещет: вот сейчас... сейчас... сейчас поплавок дёрнется и исчезнет под водой, а пальцы, сжимающие черёмуховый хлыст, почувствуют удар, и сразу же согнётся в дугу его тонкий конец. Но бегут секунды, позади минута. Поплавок не дёргается, не уходит под воду и даже не шевелится.

Кошусь на Толькин поплавок – та же картина. Перевожу дыхание. Даже лёгкие всплески и круги сдвинулись куда-то в сторону от наших поплавок. Или мне так показалось?.. Вытаскиваю снасть из воды – червяк на крючке целёхонек. Забрасываю вновь и с некоторым раздражением втыкаю заострённый комель удилища в наносный грунт косы таким образом, чтобы удилище нависло над самой водой.

– Что-то не клюёт, – разочарованно и как-то тоскливо вздыхая, шепчет братишка. – Вов, помоги воткнуть удилище, не лезет...

– Не хочет, говоришь, клевать? Придётся приманку сварганить. Где у нас краюха хлеба? Сейчас мы мякиш намесим с глиной, песком и накидаем галушек поближе к удочкам.

Через десять минут приманка готова. А вскоре – и первая поклёвка. Подсекаю. Блеснув серебром в лучах взошедшего солнца, затрепетал на крючке ельчик, чуть больше мизинца. Следом выдёргивает из воды пескаришку и Толян. Так, с переменным успехом, мы дёргаем пескарей, окушков, ельчиков, чебачков, а иногда и ершишек. И... ни одного крупняка. Вот тебе и хоровод всплесков...

Солнце поднимается всё выше и выше. Начинает припекать. На западе закуржавились лёгкие белёдые облачка. И уже бурчит в животе от голода.

– Братишка, есть хочешь? – окликаю Толика.

– Хочу, – живо поворачивается ко мне панёнок.

– Тогда делаем перерыв. Наживляй червяка покрупней, чтоб мелюзга не смогла стянуть, втыкай удилище посильнее и подгребай ко мне.

Я достаю из рюкзачка полбуханки хлеба, из которой мы уже выцарапали мякиш, пару варёных яиц, пяток свежих пупырчатых огурцов, пучок зелёного лука и спичечный коробок с солью.

Жуём и то и дело стреляем глазами на поплавок. Несколько раз вскакиваем, хватаемся за удилища, подсекаем. Но увы... Вновь подростковая шелупонь.

Перекусив и спасаясь от жары, лезем в воду и, приседая, окунаемся с головой.

И вдруг меня осеняет идея:

– Слушай, братан, а давай попробуем рыбачить стоя в воде. Удочки воткнём в дно за спиной. Леску будем держать в ладони, и не надо

поплавок – каждая, даже малейшая поклёвка будет чётко ощущаться пальцами. Стукнул пескаришка – стой, иди сюда!

– И что, каждый раз брести на берег, чтобы пойманную рыбу кидать в бидончик?

– Зачем? Сделаем сниски, у меня и суровые нитки есть. К одному концу привяжем тонкую палочку чуть побольше спички, второй конец завяжем большой петлей, чтобы в неё голова пролезла. Надел на шею, а конец со спичкой пусть в воде мотается. Поймал пескаря или какую другую рыбу, снял с крючка, просунул палочку ей через жабры в рот и опускай в воду. Как на привязи будет гулять.

– А-а! Ну, это как кукан получается, – обрadowанно кивает Толька.

– Точно. А ты откуда знаешь про кукан?

– Так папка рассказывал.

– Молодец. Запомнил.

И вот мы стоим в воде, обмотнув леской указательный палец правой руки: Толька чуть выше по течению, я – в десятке метров ниже, ему вода доходит до пупа, мне – чуть выше колен.

Тёплые струи приятно обволакивают ноги, и от этого не так жарко, хотя солнце печёт нещадно и просто обжигает коричневое от загара тело. Я периодически опускаюсь на корточки и балдею от блаженства – чувствую, как, остывая, тело наливается приятной истомой.

Заметив мои приседания, окунается в воду по шейку и Толик. Не сдерживая эмоции, он начинает бурно выражать свой восторг.

– Ух, здорово! Вовк, хорошо-то как!

– Не кричи так, всю рыбу распугаешь.

Но пескари не обращают внимания на наше бултыхание. Наоборот, их привлекает лёгкая муть, поднимаемая со дна нашими босыми ногами. Они внаглую пощипывают пальцы, тычутся в пятки, если чуть приподнимаешь ногу – лезут под подошву. Склонившись над самой водой, можно сквозь мутноватый слой увидеть, как суетится у ног мелюзга, посверкивая серебром, играют ельчнки и чебачки, толстенькими веретёнцами снуют пескарики.

И вдруг мелочь брызгами разлетается во все стороны. К белым ступням подскакивает окушок с ладошку. Крутанувшись, ткнулся в пальцы носом: тыфу – несъедобно! И умчался прочь.

Через несколько секунд мелочовка вновь суетится у ног, щекочет их. И, когда сверху к ним падает обрывок червяка или комочек земли из банки с наживкой, висящей на верёвочке у меня на шее, стайка мальков устраивает кучу-малу, раздербанив подачку в мгновение ока.

– Оп-па! – то и дело восклицает Толян, выуживая очередного пескаря. – Ещё один, уже десятый. А какой пуза-а-ты-ый, – смеётся

он. – Наверно, беременный... Вовк, а почему пескарей пескарями зовут? За что им такую кличку дали?

– Наверное, потому что издают своеобразный писк, когда, поймав, чуть сжимаешь их... А может, потому, что любят в песчаном дне ковыряться и предпочитают песчаные отмели. И прекращай считать пойманную рыбу. Сглазишь... Рыба не любит, когда её пересчитывают. И не кричи так громко: крупную рыбу отпугиваешь.

Толик, что-то пробурчав, умолкает.

А жор пескарей не утихает. Я не успеваю выуживать пятнистых толстопузиков, чем-то напоминающих асатиков, которых мы в детстве кололи вилками на Томи, осторожно переворачивая на отмелях камни покрупнее.

Сниска тяжелеет, на ней уже не менее трех десятков рыбёшек, которые дёргают суровую нитку во все стороны и уже порядком натёрли мне шею.

– Вовк, глянь, – отвлекает меня братишка от очередной поклёвки.

Я поворачиваю голову. Толян с трудом поднимает на вытянутой руке трепещущую сниску, её конец вспенивает воду, ходит ходуном.

– С килограмм будет?

– Да поболее. На килограмма полтора, а то и два потянет, – подыгрываю братишке с завистливо-возбужденными нотками в голосе.

– Правда? А у тебя сколько? Покажь!

– Да почти столько же, а может, чуть меньше...

И я приподнимаю свою сниску на две трети из воды, чтобы поддержать у Толика чувство гордости за свой улов и не умалять его победы в нашем негласном соревновании.

И тут, бросив взгляд по сторонам, я вдруг физически ощущаю какую-то перемену в окружающей атмосфере и природе.

Взагустевшем воздухе повеяло скрытой тревогой, будто всё напряглось в ожидании надвигающейся опасности. Сочная зелень ольховника и черёмушника на крутояре берега потемнела, настороженно зашелестели их кроны от неожиданно налетевших порывов горячего ветра.

По водной глади от знойного дыхания побежала мелкая быстрая рябь. Носившиеся до этого над самой водой, стрижи куда-то исчезли. Поутихла разноголосица птичьего гомона из прибрежных зарослей ивняка. Одна сорочья трескотня оповещала округу о надвигающейся опасности.

Я глянул на небо и... всё понял. С северо-западного «гнилого угла», клубясь и медленно расплываясь по небосклону, ползли облака – белые и пушистые по краям и наливающиеся серой тьмой в центре. А с противоположной стороны Кондомы прямо на нас, чуть не

задевая вершины призмистых гор, наполнила чёрная, местами с синим отливом, огромная туча. Её многослойные края, ещё не испачканные чернотой и больше похожие на вату, тяжело ворочаются, будто в барабане хлопкоперерабатывающей машины.

Черноту тучи то и дело озаряют вспышки молний, зигзагообразными стрелами бьющими в землю. Но грома не слышно – далеко ватно, только доносится еле различимый гул.

– Толян! – окликаю я братишку. – Ты глянь, что на нас надвигается... Надо сматываться, иначе нам будет киш мерентухес натошак!..

Толька вскидывает голову, и его рот невольно раскрывается.

– Й-ё-о мо-й-ё-о! – он поворачивается ко мне. – Я не понял: чо ты сказал?

– Да я так. Скаламбурил. Вспомнил одну скороговорку. А вообще-то, братан, пора закругляться и драпать домой. Как бы эта штуквина, – киваю на выползающую из-за горы свинцовую тучу, – нам бед не натворила. В грозу опасно быть у воды, а тем более на воде – может молнией убить. Давай сматываться!

– Вов, ну давай еще чуть-чуть... Только свежего червяка наживил. Смотри, смотри, как клюет. Оп-па! Видал, какой чебачище!..

И действительно: рыба как с ума сошла, хватала наживку едва та вместе с грузилом исчезала под водой. Выудив очередного пескаря и водружая его на сниску, я опускаю лесу с крючком к ногам, которые беспрерывно атакуют любопытная рыба молодь. Поднимаю леску, а на крючке вновь пескарёв – и не детсадовского возраста. «Ну, надо же! – поражаюсь я. – И здесь под самым носом хапнул, позарился на огрызок червяка, еле прикрывающего жало крючка»...

А туча, разбухая и наливаясь зловещей чернотой, неотвратимо наползает. Её клубящийся край уже навис над противоположным берегом реки, до которого не более двухсот метров.

Уже явственно громыкает, будто кто-то на соседней улице разгружает телегу с огромными булыгами, которые, падая и перекатываясь, издают приглушенный грохот.

– Всё! Завязывай! – даю команду Толяну.

– Сейчас, сейчас... Вот последнего поймаю для ровного счёта – и бегу!

Я бреду к берегу, сматываю удочку, вытряхиваю остатки червей в воду (пусть пожирует на халяву подрастающая молодь) и собираю разбросанные вещи в рюкзачок.

– Я кому сказал?! – начинаю злиться.

Братишка, поднимая каскад брызг, несётся к берегу, начинает сматывать удочку.

– Сматывай леску на кончик удилица и отломай – дома есть запасные... Остатки червей – в воду. И пошевеливайся!

Через несколько секунд мы бегом поднимаемся по откосу на крутоярье, и я помогаю Толику взобраться на раму у руля.

– Держись, братишка, и потерпи! Буду гнать что есть мочи. Эх, чуть бы пораньше нам сорваться... Боюсь – накроет нас гроза.

Клубящаяся зловеще-свинцовая туча тяжёло ворочается почти над нашими головами. Только впереди, на востоке, куда мы несёмся на велосипеде, улепётывая от грозы, ещё голубеет полоса чистого неба, которая всё сужается и сужается под натиском небесной стихии.

Всего час назад обжигавшее жгучими лучами солнце в считанные минуты исчезло за многослойными облаками, и всё вокруг вдруг погрузилось в зыбкий полумрак, как на закате дня. Бесперывные всполохи молний, бьющие в землю и дико пляшущие в скопище клубящихся туч, освещают окрестность мертвенно-голубым светом.

Грохот и треск грома бьют по перепонкам, заставляя сжиматься сердце, и при каждом ударе я непроизвольно ещё ниже склоняюсь над сгорбившимся на раме Толиком, прерывисто дыша ему в затылок и то и дело втягивая голову в плечи.

Надо же: в отличие от грома молния не вызывает у меня (да, пожалуй, и у большинства людей) особого чувства страха, а вот грохот небесный почему-то душу в пятки загоняет, хотя совсем недавно проходили в школе, что он всего-навсего звук и вреда человеку причинить не может...

Кзabolоченной протоке между Малиновым озером и болотом мы подлетели за считанные минуты. Спешились. Оступаясь с жердей и проваливаясь в болотную жижу по колена, перебрались на ту сторону и вновь вскочили на велосипед.

Стрелы молний непрерывно бьют в землю, и создаётся впечатление – они гонятся за нами, вонзаясь в дорогу за задним колесом велосипеда.

Испуганно оглядываюсь.

Над Кондомой, где мы только что были, стоит сплошная серая с синим отливом стена. «Там уже хлещет», – с тревогой и одновременно с оттенком радости, оттого что с реки мы всё-таки успели слить вовремя, отмечаю я про себя и, привстав с седла, яростно давлю на педали, увеличиваю скорость. Толька-бедолага почти лежит грудью на руле – зажмурился и заметно побледнел. Потерпи, братишка, немного осталось: скоро мосток, а там...

Налетел шквал ветра, ударил в спину, едва не сбросил нас вместе с велосипедом с дорожки в кусты, смерчем собрал с дороги пыль и всякий мусор, раскидал его по всей округе. Вздрыбил, перекрутил ветви черёмуховых и

ольховых кустов, сорвав с них охапку листьев, и унёсся прочь, уступив место порывам послабее.

Показались первые дома посёлка. На бешеной скорости выскакиваем на пологий и невысокий взлобок. И вот она, рукой подать, – околица.

Сразу за мостками над пересыхающим и заболоченным ручьём начинается улица Петрозаводская, а миновав по ней три дома, стариков Глушневых и Назаровых, свороток право на нашу, Тюленинскую, где в сотне метров – родимый дом с высоким крыльцом-верандой и палисадником, в углу которого стоит телеграфный столб. Широкие, во весь простенок, окна веранды выходят на улицу.

«Только бы успеть! Только бы успеть!» – как заклинание, шепчу я, чувствуя изнеможение и дрожь в ногах от перенапряжения.

Влетаем на Петрозаводскую. В затылок и по спине хлестко бьют несколько холодных увесистых капель...

Сворачиваю на родную улицу.

У палисадника топчется мать. Увидев нас, всплескивает руками, поспешно распахивает калитку.

Вновь по спине и плечам дупят дождевые капли, теперь уже более густо и торопливо. Ударяясь о дорогу, они поднимают фонтанчики пыли, похожие на игрушечные взрывы снарядов, от которых остаются в той же пыли игрушечные воронки.

Резко затормозив у калитки, спрыгиваем с Толиком на землю и бросаемся к крыльцу.

Мать пытается высказать в наш адрес какой-то упрёк, но из нависшей свинцовой тучи сверкает молния и раздаётся такой оглушительный треск и грохот, что она, ойкнув и зажмурившись, приседает на ступеньках.

Влетаем на веранду, под спасительную крышу, а за её окнами начинается что-то невероятное. Треск, раскаты грома, шум падающей воды с неба, удары потока по крыше, по тесовым стенам, по стеклу, всполохи молний – всё сливается в адовую карусель. За дождевой стеной – ни зги. Не видно не только соседских домов, но даже и штaketника нашего палисадника, и телеграфного столба в его углу.

– Фу-у, успели! – облегчённо вздыхаем мы с Толяном и начинаем беспричинно смеяться – с каким-то надрывом, видимо, сказывается только что перенесённый стресс.

– А ливень-то, ливень-то какой! Как из ведра хлещет, – испуганно косится мать на окно.

– Да-а, потоп, – поддакиваем мы. – Неделю поливать не надо...

(Из книги «На утренней зорьке». Новокузнецк, 2007 г.)